

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Тришина Мария Николаевна

**Маркеры неэкологичного общения
в немецкой этнолингвокультуре**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(германские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре немецкого языка филологического факультета
в ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

Научный руководитель: **Белютин Роман Вячеславович**, доктор
филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Гончарова Евгения Александровна**,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры немецкой филологии
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им.
А.И. Герцена»

Кострова Ольга Андреевна, доктор
филологических наук, профессор,
профессор кафедры романо-германской
филологии и зарубежного регионоведения
ФГБОУ ВО «Самарский социально-
педагогический университет»

Едличко Анжела Игоревна, кандидат
филологических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой немецкого
языка и культуры факультета иностранных
языков и регионоведения ФГБОУ ВО
«Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится «23» октября 2025 г. в 18 часов 45 минут
на заседании диссертационного совета МГУ.059.3 при ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по
адресу: 119991, г. Москва, ГСП 1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1й
гуманитарный корпус, филологический факультет, ауд. 1060.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на
портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3545>

Автореферат разослан "___" сентября 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Лебедева И.Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертация посвящена исследованию современной немецкой языковой картины мира и коммуникативных пространств на предмет наличия в них дискурсивных компонентов – *маркеров*, вызывающих проблемы речевой деградации, отклонений от нормы, помех в коммуникативном поведении языковых личностей в контексте общения на литературном языке и в противовес ситуациям с использованием других вариантов принятого языкового кода (напр., диалект, жаргон, просторечие и др.), где сниженность стиля не является токсичным фактором¹.

Актуальность диссертации определяется состоянием исследуемой этнолингвокультуры, которое характеризуется наличием целого ряда негативных явлений в разных ситуациях общения (профессиональных, бытовых, гендерных и др.): агрессивность, деструктивность, конфликтогенность, загрязнённость языка спорадическими образованиями (нецензурной лексикой, словами-паразитами и др.), и, как следствие, потребностью со стороны общества, специалистов выработать стратегии и тактики противодействия подобным проявлениям вербальной агрессии – главным образом, применительно к литературному языку.

Актуальность диссертации обусловлена также тем, что она выполнена в русле магистральных направлений современной лингвистики (когнитивной, коммуникативной, этнолингвистики и др.), ориентированных на комплексный антропоцентрический подход к изучению языковых явлений. Повышению актуальности исследования дополнительно способствует междисциплинарная проекция, с помощью которой *языковые маркеры неэкологичного общения*

¹ В диссертации с самого начала задан вектор, учитывающий антропоцентрический взгляд на токсичность элементов языка, ср.: «токсичным оказывается не само по себе присутствие в тексте разговорной, диалектной, субстандартной, табуированной, непечатной и пр., и пр. лексики, ..., якобы отравляющей язык и препятствующей комфортному и эффективному на нем общению, а неуместное использование таких средств языка, не соответствующее коммуникативной ситуации и принятым для подобных ситуаций правилам общения» (Полубиченко Л.В. Антропоцентрические аспекты эколингвистических исследований // Мировые языки и культуры как объект филологического исследования: коллективная монография / под общей ред. О.Д. Вишняковой, А.А. Липгарта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Наука», 2023. С. 347–348.)

рассматриваются и интерпретируются с учётом данных смежных научных областей: культурологической, социологической, политологической и др.

Данная проблематика достаточно редко освещается исследователями в рамках немецкоязычного пространства, хотя в условиях все более интенсивной глобализации и большей инклюзивности немецкого общества, гипертрофированного стремления к продвижению принципов многообразия невозможно не обратить внимания на контент и виды информации, которые содержат признаки неэкологичного общения.

Актуальность выбранной темы подтверждается мыслью лингвиста М. Шварц-Фризель о том, что на протяжении столетий в немецком культурном геноме существует яд, или токсичный язык, обладающий разрушительной силой («dieses Gift ist seit Jahrhunderten Bestandteil der westlichen DNA, des europäischen Kultur-Genoms»). М. Шварц-Фризель подчёркивает высокую степень пропитанности коммуникации токсичными маркерами в виде дискриминирующих, вульгаризированных, оскорбительных и др. «непечатных» высказываний.

Основным фокусом современных лингвоэкологических исследований становится изучение способов взаимодействия между языком, носителем языка и окружающей средой. Важное значение также придаётся анализу ряда экстралингвистических факторов, которые оказывают значительное влияние на целостный конструкт языка (см. работы Т.Г. Поповой, В.И. Шаховского, А.А. Штебы, Н.Г. Солодовниковой, С.В. Ионовой, П.С. Волковой, В.В. Журы, С.И. Маджаевой, E. Naugen, A. Fill, W. Trampe, A. Stibbe, P. Finke и др.).

Лингвоэкология – это синергетическая область языкознания, объектом которой становится состояние языка как целостной системы, обусловленное влиянием на него ряда экстралингвистических факторов, среди которых значатся миграционные кризисы, различные формы и проявления дискриминации множества групп населения по ряду признаков, феминистическая идеология и др. В качестве объекта лингвоэкологии также выступают способы защиты языковой практики от лингвотоксичных явлений

(в терминологии А.П. Сковородникова) – в тех случаях, когда это действительно необходимо.

Перечень лингвоэкологических проблем, порой даже «бедствий», огромен, а лингвоэкологическая ситуация выступает в роли диффузного явления, затрагивающего как язык, так и внешнюю среду.

Несмотря на сложность и многогранность лингвоэкологической проблематики, представляется возможным выделить в особый сегмент этого дискурса категорию *неэкологичного общения* в рамках различных коммуникативных ситуаций (политической, спортивной, гендерной, семейной, молодёжной и др.). Подобная характеристика человеческой интеракции обусловлена, среди прочего, присутствием в ней так называемых *лингвотоксичных процессов*, осуществляющих антропогенную нагрузку на язык / речь и, как следствие, оказывающих деструктивное воздействие на физическое, ментальное и психоэмоциональное состояние носителей языка.

В выявлении и классификации таких маркеров неэкологичного общения заключается основное предназначение исследования.

Объектом исследования является категория неэкологичного общения, представленная в рамках различных дискурсивных практик; **предметом** исследования выступают языковые маркеры неэкологичного общения, в ряде случаев провоцирующие языковые травмы и разрушение конвенциональных норм устной и письменной коммуникации в немецком узусе.

Материалом исследования послужили данные современных авторитетных немецкоязычных толковых словарей и корпусов: dgd.ids-mannheim.de; duden.de; dwds.de; wahrig.de; wortbedeutung.info; аутентичные тексты официальных немецко- и англоязычных статистических сайтов, чатов, форумов, подкастов, видеохостингов в глобальной сети Интернет, документальных, научно-популярных и художественных фильмов: vimeo.com; radiopannen.de; 11freunde.de; mainz.05.de; spiegel.de; stern.de; web.de; yahoo.nachrichten.de; fokus.de; süddeutschezeitung.de; zdf.de и др.

Общее количество проанализированных примеров, полученных с помощью метода сплошной выборки, составило более 600 образцов.

В настоящей работе анализу подвергались преимущественно примеры из источников, отражающих языковую ситуацию в ФРГ, в силу их наибольшей репрезентативности в сравнении с австрийским и швейцарскими вариантами немецкого языка. Языковая ситуация в Австрии во многом дублирует соответствующие характеристики немецкого языка в ФРГ, тогда как швейцарские варианты немецкого языка, который является единственным официальным языком в 17 из 26 кантонов Швейцарии, слишком многочисленны, разнообразны и, следовательно, нерепрезентативны из-за наличия существенных расхождений между ними. По этой причине применительно к швейцарскому немецкому или, можно сказать, к «швейцарским немецким» потребуется отдельное многоуровневое исследование, чтобы можно было сделать какие-либо выводы обобщающего характера и сопоставить языковую ситуацию в ФРГ с тем, что наблюдается в австрийском и швейцарском вариантах современного немецкого языка.

Цель данной работы заключается в выявлении на основе комплексного анализа различных дискурсивных практик маркеров неэкологичного общения для определения степени неэкологичности языковой картины мира и выделением причинных факторов (в том числе экстралингвистических), нарушающих языковой баланс и экологичность коммуникации.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- определить проблемное поле лингвоэкологических исследований;
- рассмотреть неэкологичность общения в контексте современных лингвистических подходов;
- определить методологический аппарат диссертационного исследования;
- осуществить выборку лексических единиц, словосочетаний, высказываний, формирующих профиль неэкологичного общения;

- выявить и описать маркеры неэкологичного общения, реализуемые в различных дискурсах и коммуникативных пространствах, и осуществить их классификацию.

Гипотезой исследования является предположение о том, что в немецкой языковой картине мира выделяется особый тип общения – неэкологичное общение, которое характеризуется наличием языковых маркеров, реализующихся на фоне лингвотоксичных процессов коммуникации.

Методологической основой исследования послужил системно-структурный подход к объяснению фактов языка, принципов его экспансионизма и функционализма. В процессе работы использовались следующие **методы исследования**: наблюдение, дискурсивный анализ, лингвистическое описание, понятийное моделирование, интерпретативный анализ, контекстуальный анализ, структурный и семантический анализ, теория и анализ дискурса, систематизация, обобщение и интерпретация эмпирического материала, а также лингвокультурологический анализ.

Теоретико-методологической базой исследования стали научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений:

– *лингвозэкология, эколлингвистика* (А.Н. Полежаева; А.А. Бернацкая; Ц.Ц. Огдонова; А.А. Полухин; В.П. Коровушкин; О.Б. Сиротинина; И.Н. Потеряхина; А.В. Кравченко; Н.А. Курашкина; Г.Г. Молчанова; А.И. Едличко; Г.А. Копнина; Л.В. Полубиченко; W. Trampe; A. Fill; S.V. Steffensen; D. Bolinger; Э. Хауген; A. Stibbe);

– *структурная и прикладная лингвистика* (О.С. Ахманова; Н.Д. Арутюнова; Г.Г. Почепцов; С.Г. Тер-Минасова; М.А. Кронгауз; В.Г. Костомаров; Р.В. Белютин; Ю.А. Белютина; О.С. Иссерс; О.А. Глушченко; Н.В. Гришанин; Н.В. Кириллин; Т.Г. Попова; M. Freidank; G. Stickel; A. Thalmayr; J. Meibauer; R. Sedlaczek; Ch. Winder; A. Mathias; O. Nikitina; A. Stefanowitsch; A. Fus; S. Meier-Vieracker; G. Diewald; A. Steinhauer; Ch. Olderdissen; M. Schwarz-Friesel; F. Payr; J. Scharloth; R. Steinke; A. Burkhardt);

- *теория и анализ дискурса* (Е.С. Кубрякова; К.Ф. Седов; В.И. Карасик; А.В. Голоднов; Н.Н. Трошина; Т.А. van Dijk);
- *лингвистическая прагматика* (Б.Ю. Норман; Л.А. Нефедова; Ю.Д. Апресян; Н.Р. Grice; J.R. Searle; J.L. Austin; Z. Vendler);
- *философия языка и когнитивная лингвистика* (В.И. Жельвис; С.П. Поцелуев; Е.И. Голованова; Б.О. Майер; А.В. Кирилина; О.К. Ирисханова; В.В. Красных);
- *миграционная лингвистика* (Е.О. Зубарева; Е.А. Токарева; Т. Stehl; L. Tretow; M. Czollek; M. Amjahid);
- *феминистическая лингвистика* (S. Trömel-Plötz; N. Henley; D. Spender; H. Kotthoff; E. Aries);
- *социология, культурология* (N. Luhmann; Н. Бариле; P. Köhler);
- *психолингвистика, психология* (С.А. Тихомиров; Г.Г. Антух; Г. Бейтсон; П. Вацлавик; Т. Jay; A. Kutz; Н. Eicher; O. Geramanis; S. Hutmacher; L. Walser).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем уточняется и дополняется новыми смыслами термин «неэкологичное общение». Впервые предпринимается комплексное исследование неэкологичного общения в немецкой этнолингвокультуре на предмет его загрязнения лингвотоксинами. Выявляются и описываются маркеры неэкологичного общения на примере современных аутентичных контекстов, репрезентирующих разные ситуации общения. Вводятся в научный оборот термины «интернальные» и «экстернальные» маркеры неэкологичного общения, через которые представлены лингвотоксичные процессы, происходящие в немецком языке без участия внешних факторов и под влиянием других этнолингвокультур.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она за счёт выявления маркеров неэкологичного общения позволяет дополнить содержание понятия «неэкологичное общение»; полученные выводы вносят вклад в методологию коммуникативных и дискурсивных исследований в

аспекте лингвоэкологии благодаря выделению лингвотоксичных процессов коммуникации; исследование способствует дальнейшему решению проблем в лингвоэкологии и углублению представлений о фактах и явлениях, с одной стороны, деструктивно воздействующих на язык, а с другой – способствующих его развитию и обогащению.

Практическая ценность исследования состоит в том, что оно позволяет оценить состояние речевой культуры современного немецкого общества, зафиксировать некоторые опасные процессы, протекающие в нем. Обозначенные проблемные зоны, могли бы заинтересовать экспертов Общества немецкого языка (Gesellschaft für die deutsche Sprache), других представительных организаций, в задачи которых входит критическая оценка текущих изменений немецкого языка и рекомендации относительно корректности его использования.

Выявленные результаты побуждают к рефлексии над состоянием речевой культуры в родной стране, выявлению негативных тенденций массовой речи, поиску путей повышения речевой грамотности через осмысление культуры языка как здоровой окружающей речевой среды существования.

Полученные данные могут быть использованы при составлении лингвоэкологических словарей, востребованных при корректировке речевых навыков изучающих немецкий язык как иностранный для повседневного и профессионального общения; при чтении курсов, связанных с преподаванием иностранного языка: языкознания, лексикологии, страноведения, теории коммуникаций, стилистики, анализа текста и дискурса, межкультурной коммуникации.

Степень научной разработанности темы исследования.

В отечественной и зарубежной лингвистике представлен достаточно репрезентативный список авторов и публикаций, в которых исследуется неэкологичное общение в рамках различных этнолингвокультур. Эти исследования, несомненно, вносят значительный вклад в формирование

представлений о том, какие языковые проблемы существуют в современном обществе.

Подобная проблематика не теряет своей актуальности и по сей день применительно к немецкому языку, который испытывает на себе влияние ряда экстралингвистических факторов. Последние приводят к трансформации или порой «мутации» и «деформации» языка, что в целом ряде случаев негативно сказывается на качестве коммуникации, в которой задействованы разные языковые личности.

За счёт привлечения экологических, культурологических, психологических и социологических знаний в данном исследовании происходят ревизия, дополнение и уточнение сложной и комплексной проблемы неэкологичного немецкоязычного общения. Как уже было сказано выше, в ситуациях неформального общения (или его имитации в художественной литературе) использование токсичных элементов зачастую является оправданным и не подлежит негативной оценке. В ходе последующего изложения этот тезис не будет обсуждаться в силу своей самоочевидности, и анализу будут подвергаться деструктивные варианты неэкологичного общения, которые далеко не всегда представляются таковыми при первичном ознакомлении с подобным материалом.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Неэкологичное общение представляет одну из центральных категорий лингвоэкологии. Данная категория реализуется через актуализацию специальных языковых маркеров, нарушающих экологичность и нередко программирующих общение на токсичный и деструктивный формат.

2. Ситуация неэкологичного общения характеризуется агрессивностью, нетолерантностью, пейоративной оценочностью. Такое общение, используя манипулятивные и искажающие реальность языковые средства, провоцирует возникновение деструктивных процессов в обществе и ухудшение качества межличностных отношений.

3. Маркеры неэкологичного общения могут иметь разный онтологический статус и подразделяются на интернальные (вырабатываемые внутренними ресурсами языка) и экстернальные (возникшие под влиянием других этнолингвокультур).

4. К интернальным языковым маркерам неэкологичного общения относятся вульгаризированная лексика; дискриминирующий язык; речевой паттерн «двойного сообщения» (коммуникация double bind); гендерно-нейтральный язык (Gendersprache); слова и выражения, формирующие эффект ноцебо; маркеры неэкологичного общения в виде вуалирования фактов, приукрашивания действительности, языкового нивелирования, неверной интерпретации значения, механизации языка.

5. К экстернальным языковым маркерам неэкологичного общения относятся следующие: маркеры обеднения и эвтрофикации (засорения) языка, проявляющиеся в виде перенасыщения языковой практики излишними англицизмами, а также этносоциолектом Kanakisch-Deutsch.

6. Неэкологичность языковых, речевых, дискурсивных практик обуславливается влиянием экстралингвистических факторов, среди которых оказываются мировой миграционный кризис, стремительная глобализация, гипертрофированное стремление к реализации принципов многообразия, нарушение устойчивости национальной идентичности и др.

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением большого объёма научно-теоретической литературы по заявленной проблематике (252 работ отечественных и зарубежных учёных), опорой на передовые разработки отечественной и зарубежной лингвистики и смежных дисциплин, использованием комплексного методологического аппарата, который включает традиционные и современные научные методы (теоретические и эмпирические) анализа отдельных языковых единиц, речи, дискурса. Объективность полученных результатов достигается значительным количеством проанализированных примеров (более 600 образцов), извлеченных из электронных словарей и печатных текстов,

репрезентирующих различные типы дискурса (политический, миграционный, гендерный, спортивный, бытовой и др.).

Апробация результатов диссертации проводилась на заседаниях кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета в период с 2019 по 2024 г.; на международных конференциях «Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и филологии» (декабрь, 2019 г., 2020 г., 2022 г., Горловка); «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние» (октябрь, 2020 г., Нижний Новгород); «Германские и романские языки в современной высшей школе России» (апрель, 2021 г., Калуга); «Московские научные ночи» – «Интеркультурная германистика» (октябрь, 2021 г., Москва); РСГ (ноябрь, 2021 г., 2022 г., 2023 г., Смоленск); «Россия и Германия: новые образовательные вызовы и векторы развития» (февраль, 2022 г., Санкт-Петербург); «Актуальные проблемы коммуникации. Язык и перевод» (апрель, 2022 г., Москва); «Универсальное и национальное в языковой картине мира» (октябрь, 2022 г., Минск); «Актуальные вопросы германской филологии и лингводидактики» (март, 2023 г., Брест); «НОВАТОР-2023» (октябрь, 2023 г., Барановичи); «Язык и коммуникация: функционально-семантический, когнитивный и лингводидактический аспекты» (октябрь, 2023 г., Горловка).

Материалы диссертационного исследования были апробированы в ходе лекционно-семинарских занятий для студентов филологического факультета (направление «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)») в Смоленском государственном университете.

Основные положения диссертации нашли отражение в 10 работах, 4 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка электронных источников языкового материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** освещены проблематика исследования, его актуальность, используемая методология и эмпирический материал, сформулированы цель и задачи исследования, обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлены основные положения, выносимые на защиту, описывается структура работы и приводятся данные о её апробации.

В **главе 1 «Теоретические предпосылки исследования»** описываются теоретические предпосылки исследования, а также даётся детальная характеристика маркеров неэкологичного общения, реализующихся на фоне лингвотоксичных процессов коммуникации в языке, через представление лингвоэкологии как синергетической области языкознания, объектом которой, с одной стороны, является состояние языка как целостной системы, а с другой – способы охраны и защиты языка от лингвотоксинов с целью сохранения его «здоровья».

На протяжении последних десятилетий термин «экология» интегрируется в различные научные дисциплины. В силу своей полипарадигмальности лингвистика также вбирает в себя «экологическую перспективу» научных исследований (**пункт 1.1 диссертации**).

Подобный симбиоз научных знаний не случаен, поскольку, в то время как экология изучает взаимоотношения организмов с окружающей средой², лингвистика обращает своё внимание на закономерности взаимодействия языка / носителя языка с окружающей средой.

Подобное взаимодействие – это «двуединный процесс: внешняя среда через человека, социум воздействует на язык, а язык как центральный компонент психосферы человека влияет на социум в целом и индивида, на

² Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. Zweiter Band. Allgemeine Entwicklungsgeschichte der Organismen. Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1886. 469 S.

нравственный и духовный уровень общества определённого времени»³ (пункт 1.2 диссертации).

Говоря о создании терминологического аппарата для нового лингвистического направления, стоит отметить, что на сегодняшний день разработан определённый список ключевых понятий, организующих «прототипный порядок» (по В.И. Карасику) данного научного субдискурса (раздел 1.3).

Так, зарубежные учёные оперируют следующими терминами: «Sprachökologie», «Ökologuistik» (P. Finke, A. Fill, H. Strohner, Y. Stork, M. Jung, J. Wallmannsberger и др.), «ecolinguistics» (J. Døør, J. Chr. Bang, A. Makkai, P. Mühlhäusler, A. Stibbe и др.), «ecology of language» (E. Haugen, R.J. Alexander и др.). А. Филл придерживается точки зрения, согласно которой такие термины «являются не диаметрально противоположными, а взаимодополняющими»⁴.

Вслед за А. Филлом в данном исследовании мы выделяем два основных лингвоэкологических направления исследования:

1) возможность применения принципов, понятий и методов экологии в рамках описания языковых явлений;

2) использование лингвистических методов с целью как описания и анализа экологических тем, так и поиска или предложения способов решения проблем окружающей среды⁵.

Эти направления взаимозависимы и взаимодополняемы, поскольку неэкологичная языковая практика является индикатором не только внутреннего кризиса отдельно взятого индивидуума, но и внешнего мирового экологического кризиса. Диалог человека с самим собой подобен его диалогу с окружающей природой. Ещё в античные времена была сформулирована

³ Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2003. № 4. С. 122.

⁴ Sprachökologie und Ökologuistik / A. Fill (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. S. IX.

⁵ Sprachökologie und Ökologuistik / A. Fill (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1996. S. 3.

справедливая и глубоко философская идея: то, что внутри, находится снаружи, и то, что снаружи, покоится внутри («Innen ist außen und außen ist innen»)⁶.

В отечественной лингвистике наличествует большое количество работ, в которых экологические термины и принципы переносятся на языковые явления. Российские учёные предлагают термины «эколингвистика» и «лингвоэкология». Эти две области теснейшим образом связаны друг с другом, поэтому данные термины могут интерпретироваться как синонимы⁷. В данном исследовании происходит размежевание этих понятий и сосредоточение внимания на коммуникативно-прагматическом лингвистическом направлении – *лингвоэкологии*.

Основой для данной работы послужила идея А.П. Сковородникова о том, что «*предметом лингвоэкологии (или экологии языка) является состояние языка и среды его обитания; факторы, влияющие негативно или позитивно на состояние и развитие языка, языковое сознание социума и его речевую культуру; средства защиты языка от негативных влияний, а также нахождение путей и способов обогащения языка и улучшение условий его оптимального развития*»⁸ (пункт 1.4 диссертации).

Учёный, обращая внимание на биологическую природу языка, конструирует терминологический аппарат экологии языка. Среди основных референциальных терминов оказываются *антропогенная нагрузка на язык; благоприятная среда обитания языка; болезни языка; гибридизация или скрещивание языков; загрязнения языка и речи; лингвотоксины* и др.

Принципиальное отличие настоящего исследования от ранее созданных по заявленной проблематике работ состоит в комплексном рассмотрении вопроса существования *лингвоэкологических проблем* в виде маркеров

⁶ Trampe W. Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. S. 20.

⁷ Иванова Е.В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса. М.: Флинта, Наука, 2015. С. 72.

⁸ Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. А.П. Сковородников. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 5.

неэкологичного общения, реализующихся на фоне лингвотоксичных процессов коммуникации, с позиций ряда социальных явлений, которые оказывают непосредственное влияние на «самочувствие» языка и человека. «К лингвотоксичным элементам, затрудняющим и/или искажающим коммуникативное взаимодействие, относятся социально-культурные и когнитивно-коммуникативные языковые стратегии, асимметрия эколого-когнитивных параметров, влияющие на психологическое и умственное состояние коммуниканта»⁹.

Маркеры неэкологичного общения подразделяются на интернальные (вырабатываемые внутренними ресурсами языка) и экстернальные (возникшие под влиянием других этнолингвокультур).

Для подобного комплексного рассмотрения проблемы привлекаются знания из миграционной и феминистической лингвистики, теории коммуникации, психологии, психиатрии, социологии, культурологии.

В результате образуется понятийно-терминологическое пространство лингвоэкологического исследования, которое включает в себя такие смыслообразующие явления, как *языковая среда, языковая личность, языковая политика, политическая корректность, дискриминация* и др.

Анализ понятийно-терминологического пространства лингвоэкологии позволяет сделать вывод о том, что большинство лингвоэкологических проблем соотносится скорее с отрицательными, нежели с положительными процессами, происходящими с языком и ментальной сферой человека.

В главе 2 «Интернальные маркеры неэкологичного общения в немецкой этнолингвокультуре» исследуются интернальные маркеры неэкологичного общения. Они вырабатываются собственными ресурсами языка и реализуются в виде вульгаризированной лексики, дискриминирующих слов и высказываний, коммуникации двойного сообщения *double bind*,

⁹ Молчанова Г.Г. Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека? // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 9.

гендерного расслоения языка, лексем, вызывающих эффект ноцебо, а также маркеров неэкологичного общения в рамках парадигмы «человек–окружающая среда».

Лингвоэкология констатирует факт наличия симптомов деградации и обеднения языка и речи из-за нагруженности коммуникации рядом лингвотоксинов, среди которых значится *инвективная лексика*, включающая в себя вульгаризмы. Данный маркер неэкологичного общения рассматривается на примерах музыкального и политического дискурсов, в рамках которых существуют проблемы неравенства, расизма, навешивания ярлыков. Подобные явления выступают в роли экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на речь носителя языка, которая зачастую лишена конструктивного диалога и наполнена инвектогенными, вульгаризированными языковыми знаками.

Далее в работе обсуждаются некоторые разновидности неэкологичного общения. **Пункт 2.1.1** посвящён вульгаризированной лексике в песенном дискурсе. В качестве иллюстративного материала представлены тексты песен рэп-исполнителей Bushido и Gzuz, в которых на регулярной основе создаются коммуникативные ситуации, демонстрирующие вербальную агрессию по отношению к другим целевым группам, например, по отношению к коллегам-рэперам. Вербальная агрессия реализуется через использование инвектогенной лексики, а также дискриминирующих высказываний: «*Du willst Community – Keep it real, du Missgeburt. Üb dein Freestyle Fake*» (URL: King of Kingz); «*Ich bin erst dann zufrieden, wenn du Nutte den Dreck frisst*» (URL: Gemein wie 10).

Интересной для анализа также является современная риторика в политическом дискурсе, сформировавшаяся вокруг и внутри деятельности немецкой правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Этот вопрос обсуждается в **пункте 2.1.2 («Вульгаризированная лексика в политическом дискурсе»)**. В качестве примеров могут рассматриваться сообщения тайного внутреннего чата, который был создан членами АдГ.

Журналисты провели расследование и с разрешения участников тайного чата проанализировали сообщения, содержащиеся в нём, а также организовали интервью с некоторыми из политиков, публиковавших сообщения в чате. В результате выяснилось, что сообщения содержат в себе примеры имплицитных и эксплицитных диффамирующих и дискриминирующих высказываний, направленных в основном на коллег из других партий: «...*Über die Leistung der SPD und Kahrs würde ich auch mal gerne reden. Kahrs ist **eine radikal böse Afteröffnung** ... Kahrs ist **Schwul***» (URL: Geheime Chatgruppe).

Помимо вульгаризмов в диссертации затрагивается тема *дискриминирующего языка* (**раздел 2.2**), поскольку оба явления, выступая в роли лингвотоксичных процессов, так или иначе имеют множество пересечений в различных контекстах в силу своей родственной природы и схожести конечной цели – оскорбления и унижения собеседника.

Вульгаризированные слова и высказывания способны приобретать в той или иной дискурсивной практике дискриминирующую форму. *Дискриминирующий язык* («Diskriminierende Sprache» в терминологии С. Майер-Фиракера) является следствием дискриминации, которая может быть направлена на представителей различных групп населения. Порой, несмотря на эвфемизированную форму, дискриминация способна эскалировать конфликты в обществе.

Рассматриваются случаи дискриминации людей по половой принадлежности (сексизмы) – **пункт 2.2.1**; людей с ограниченными возможностями (эйблизмы) – **2.2.2**; по этническому и религиозному признакам (расизм, антисемитизм) – **пункт 2.2.3**.

Одним из примеров дискриминации спортсменов по половой принадлежности (сексизм) является высказывание: «***Für Frauen haben die echt ganz gut gespielt***» (URL: Realitäts-Check), которое уличает игроков-женщин в неспособности к высоким спортивным результатам и подчёркивает их слабую результативность в игре (**пункт 2.2.1 диссертации**).

Дискриминирующие эйблизмы, основанные на общественных стереотипах, способны усиливать социальное неравенство. Эйблизмы, высказанные в имплицитной (завуалированной) или эксплицитной формах, зачастую акцентируют внимание на неспособности человека, а также порой унижают его достоинство (**пункт 2.2.2 диссертации**).

Дискриминирующие эйблизмы были зафиксированы в речи немецкого комедианта Л. Мокриджа в рамках подкаста «Die Deutschen», главной темой которого была история происхождения Параолимпийских игр: «... *Hey, du kennst doch die Olympischen Spiele. Ich habe eine ähnliche Idee. Ihr habt doch auch Behinderte in eurem Land, oder? Sollen wir mal gucken, wer Schnellere hat? Es gibt Menschen ohne Beine und Arme, die wirft man in ein Becken – und wer als Letzter ertrinkt, der hat halt gewonnen*» (URL: [Olympiasiegerin über Aussagen von Luke Mockridge entsetzt - jetzt reagiert er darauf](#)).

Дискриминирующие тенденции в немецкоязычной коммуникации также часто фиксируются в рамках миграционного дискурса (**пункт 2.2.3 диссертации**). На данный момент ФРГ по-прежнему остается наиболее привлекательной страной для мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана и др. По этой причине немецкое общество находится в крайне напряжённом состоянии, что является катализатором к тематизации запретов и табу на дискриминацию людей по национальному признаку.

В рамках миграционного дискурса базовым является концепт «беженец» («Flüchtling»), реализующийся в немецком языке, в числе прочего, через призму анекдотов и других высказываний с «юмористической тональностью» (по В.И. Карасику), в которых фиксируется отношение к мигрантам (в основном негативное и дискриминирующее).

Международные и этнические анекдоты, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, являются «взрывоопасной сферой речевой деятельности,

где разные национальности представлены стереотипно, как правило, далеко не комплиментарно, в которых высмеивается какая-то национальность»¹⁰.

Следующее высказывание оформлено имплицитно и указывает на бедственное положение беженцев при их вынужденном переселении: «*Wieso hat Syrien keine Olympia Mannschaft? – Weil beste Schwimmer und Läufer in Europa sind*» (URL: Flüchtling-Witze).

В данном примере через спортивную тематику приводится в действие механизм «семантической конфронтации» (по В.Е. Чернявской) за счёт помещения в один контекст слов «Schwimmer» и «Läufer», значения которых переносятся из концептосферы «олимпийские спортивные дисциплины» (плавание, бег) в политический нарратив (вынужденные мигранты из Сирии, перед которыми стоит экзистенциальный вопрос спасения своей жизни и перемещения в благополучный, по их мнению, регион).

Смещение спортивного и политического дискурсов можно наблюдать на другом примере. После победы сборной Германии на Чемпионате Европы 2024 по футболу в игре против команды Венгрии немецкий политик К. Дагмар Гёринг-Эккардт опубликовала на одной из социальных платформ следующее высказывание: «*Diese Mannschaft ist wirklich großartig. Stellt euch kurz vor, da wären nur weiße deutsche Spieler*», в котором фактически в эксплицитной форме проявляется неприятие того факта, что за сборную Германии могут играть представители другой расы (URL: Eklat um Tweet zu Hautfarbe der deutschen Nationalspieler).

Ярким примером дискриминации по национальному признаку является событие, связанное с недавним скандалом, разгоревшимся на одной из дискотек немецкого острова Зильт. Музыкальный трек «L'amour toujours», принадлежащий исполнителю Gigi D'Agostinos, был видоизменён путём инкорпорирования в него высказывания «*Deutschland den Deutschen*.

¹⁰ Тер-Минасова С. Г. Языковые проблемы национальной безопасности в современном обществе (на материале русского и английского языков) / С. Г. Тер-Минасова // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2019. № 29. С. 176.

Ausländer raus» (букв. «Германия только для немцев. Иностранцы, убирайтесь прочь»). Аналогичные ситуации произошли одновременно в других городах Германии, что вызвало мощный резонанс со стороны немецкого населения, журналистов, политиков и др. и было воспринято общественностью как нетерпимое, расистское явление, оскорбляющее людей с миграционным прошлым (URL: Nächster Skandal in Deutschland).

Случай проявления дискриминирующего антисемитизма был зафиксирован во время демонстрации партии «Правые» в День народного траура в немецком городе Брауншвейг. Один из представителей ультраправого политического движения подобным образом обратился к присутствующим репортёрам: «*Judenpresse*»; «*Feuer und Benzin für euch*»; «*Judenpack*», критикуя журналистов и указывая на то, что еврейское сообщество контролирует немецкие СМИ (URL: «Judenpresse»-Ruf: Rechtsextremist wird nun doch angeklagt).

Данная риторика, обозначенная немецкой общественностью как антисемитская клевета («antisemitische Hetze»), свидетельствует о существовании проблемы дискриминации по национальному признаку в Германии.

Другим процессом, профилирующим токсичную коммуникацию и нарушающим правила экологичного общения, является *паттерн* «двойного сообщения», который рассматривается в **разделе 2.3 диссертационного исследования**. Характерной особенностью «двойного сообщения» становится наличие двух высказываний, между которыми возникает парадигмально сложное противоречие, ставящее адресата в тупик и лишаящее его возможности принимать какое-либо решение. Бессилие и растерянность часто подкрепляются зависимым, подчинённым положением реципиента, становящегося жертвой эмоционального насилия. Анализ феномена осуществляется на примере трёх дискурсивных практик:

- 1) корпоративного общения (начальник и подчинённый):

«*Dieses Projekt muss heute fertig werden. **Aber** Sie müssen sorgfältig arbeiten, wir können uns **keine Fehler** erlauben!*» (Falle Double Bind: So erkennen und vermeiden Sie Doppelbotschaften (Double bind trap: How to recognize and avoid double messages)).

Распоряжение руководства, содержащее в себе противительный союз «aber» и словосочетание «keine Fehler», имплицитно подразумевает возможность наказания сотрудников в случае возникновения ошибок или невыполнения работы в заявленные сроки. Данная ситуация сопровождается жёстким цейтнотом и стрессом.

2) коммуникации между лицами, состоящими в любовных отношениях: «*Komm zu mir her, lass mich **aber** in Ruhe*» (Doppelbotschaften in Beziehungen, Alltag (Double messages in relationships, everyday life)).

Противительный союз «aber», а также негативное предписание, включенное в данное высказывание, ставят получателя сообщения в тупик и не оставляют ему выбора в принятии решения. Реципиент незаметно превращается в жертву, не способную избежать конфликта или наказания за неисполнение приказа. Подобная коммуникация является примером так называемых пограничных отношений, рождающих бессилие и растерянность.

3) коммуникации в рамках дискурса взаимоотношений между родителем и ребёнком:

«*Mir macht das auch keinen Spaß, **aber** weil ich dich liebe/du mich dazu zwingst, muss ich dich bestrafen*». Вторая часть сообщения, содержащая в себе упрёк и перекладывание инициативы на ребёнка, а также стимулирование чувства благодарности за наказание, полностью аннулирует смысл первой части высказывания. Противительный союз «aber», директивный тон родителя, экспрессивный тон и мимика лишают ребёнка права выйти из подобной токсичной ситуации и оказать какое-либо сопротивление (URL: Falle Double Bind).

В качестве следующего маркера неэкологичного общения выделим *гендерно-нейтральный* или «справедливый для всех полов язык»

(«geschlechtergerechte Sprache» или «Gendersprache»), который представлен в **пункте 2.4 диссертации.**

Гендерно-нейтральный язык исследуется в рамках феминистической лингвистики, является важным компонентом феминистской критики языка.

Учитывая тот факт, что «феминистская критика языка представляется в настоящее время одним из активно развивающихся научных направлений в рамках гендерных исследований, необходим анализ феминистской критики языка не только для понимания развития германистики, но и для лингвистики в целом»¹¹.

Gendersprache, несмотря на большое количество критики со стороны немецкоязычного сообщества, некоторыми учёными и носителями языка интерпретируется как «мера вмешательства» – «Interventionsmöglichkeit» (в терминологии С. Майер-Фиракера), т.е. как позитивная тенденция, способная противостоять дискриминации в обществе (URL: Sprache und Diskriminierung).

В интерпретации Ф. Пайра, построенной на аллюзии, современный пользователь языка, подобно героям сказки Г.Х. Андерсена «Новое платье короля», боявшимся показаться глупыми, часто опасается прослыть женоненавистником или несовременным, не используя «geschlechtergerechte Sprache». Ср.: «Beim Gendern ist es unsere Angst, von den anderen für frauenfeindlich gehalten zu werden oder nicht auf der Höhe der Zeit zu sein, die viele mitlaufen lässt»¹².

Социологические опросы, проведенные среди немецкоязычного населения, показывают, что искусственная правка фундаментального языкового конструкта (излишнее использование в речи гортанной смычки (Glottisschlag), суффиксов, дефисов, дробей, двоеточий, звездочек, скобок, нижних подчёркиваний и др.) способна приводить к коммуникативным

¹¹ Едличко А.И. К вопросу о феминистской критике языка // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 164.

¹² Payr F. Von Menschen und Mensch*innen. 20 gute Gründe, mit dem Gendern aufzuhören. Wiesbaden, Deutschland: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, ein Teil von Springer Nature, 2021. S. XV.

нарушениям, вызывать трудности у людей с ограниченными возможностями (аутистов, легастеников и др.) при восприятии письменной или устной речи, отягощать текст излишними феминитивами и т.д.¹³

Примером агрессивной экспансии гендерного языка в немецкоязычную коммуникацию является риторика правых популистов в рамках политического дискурса. Авторы правопопулистских платформ создают собственный лексикон, состоящий главным образом из бранной речи («Schimpfwortschatz»), и критикуют политических деятелей, среди которых оказалась бывшая канцлер Германии А. Меркель: «*DasMerkel, DerMerkel*», «*BundeskanzlerIn, Bundeskanzler*in, Bundeskanzler_x_Inn*», «*Trans-Merkel*», «*Kanzlerzwitter*», «*Merkerl*»¹⁴.

В контексте защиты бинарности, цисгендерности и отрицания тенденции развития гендерного языка представители правых, иронизируя на эту тему, ставят под вопрос отнесенность канцлера к определённому полу и не только объединяют артикли мужского и среднего родов с её фамилией («*DasMerkel, DerMerkel*»), но и при помощи игры слов трансформируют имя канцлера, используя дополнительные лексемы: «Транс-Меркель», «Канцлер-гермафродит», «Небинарный парень» («*Trans-Merkel*», «*Kanzlerzwitter*», «*Merkerl*»). Через дискриминирующий по половому признаку язык правые популисты подчёркивают, что люди с неопределённым полом не имеют веса и ценности для общества, а также критикуют использование различных форм феминитивов в языке («*BundeskanzlerIn, Bundeskanzler*in, Bundeskanzler_x_Inn*»).

Теория о мощной силе воздействия слова на физическое и психоэмоциональное состояние человека подтверждается следующим высказыванием: «*Homo homini medicamentum est*». Лингвоэкология

¹³ Vorbehalte gegenüber gendersensibler Sprache wachsen. URL: <https://de.statista.com/infografik/24913/befragte-die-gendergerechte-sprache-wie-folgt-bewerten/> (дата обращения: 24.10.2022).

¹⁴ Scharloth J. Hässliche Wörter. Hatespeech als Prinzip der neuen Rechten. Berlin: Springer Verlag, 2021. S. 221.

постулирует идею о терапевтической, здоровьесберегающей функции языка. *Эффект ноцебо*, противопоставляющийся эффекту плацебо, характеризуется возникновением у пациента отрицательных ожиданий и тревоги, которые в последующем могут трансформироваться в реальную физическую боль. То есть слова лечащего врача способны рождать тревогу, недоверие и опасение у пациента, а также приводить к ухудшению его самочувствия и снижению комплаенса, в то время как корректно выстроенная коммуникация (вызывающая эффект плацебо) может объективно уменьшить негативную симптоматику у пациента. Данный маркер неэкологичного общения рассматривается в разделе 2.5 диссертации.

Например, врач эксплицитно указывает на высокую вероятность неблагоприятного развития болезни: «*Sie sind ein **Risikopatient***» (URL: Wenn der Arzt mit Worten tötet). Если следовать медицинскому этикету, слова лечащего врача должны оказывать мелиоративное воздействие на пациента, психологическую поддержку, быть конструктивными, созидающими и возвышающими. Таким образом, возможна замена вышеперечисленных высказываний на *сообщения плацебо*. Вместо «*Sie sind ein Risikopatient*» следует использовать эвфемистическую формулировку, не содержащую тревожных прогнозов о протекании болезни: «*Sie haben **Erkrankung**, die **eine besondere Fürsorge braucht***»¹⁵.

Следующей перспективой исследования является рассмотрение маркеров неэкологичного общения в рамках парадигмы «человек–окружающая среда» (пункт 2.6 диссертации). Подобный ракурс рассмотрения заявленной проблематики выбран неслучайно, поскольку часто современное общество наполнено деструктивной коммуникацией, нарушающей контакт между человеком и окружающей средой.

В. Трампе сосредотачивает своё внимание на том, как человеческая коммуникация способна порой приводить к экологическому кризису, и

¹⁵ Eicher H. Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät. Salzburg: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018. S. 244.

выделяет следующие типы неэкологичного общения:

- 1) *вуалирование фактов* (Tatsachenverschleierung);
- 2) *приукрашивание действительности* (Beschönigung);
- 3) *неверная интерпретация значения* (Bedeutungsverschleppung);
- 4) *языковое нивелирование* (Sprachnivellierung);
- 5) *механизация* (Verdinglichung oder Maschinisierung);
- 6) *обеднение языка* (Sprachverarmung);
- 7) *эвтрофикация языка* (Spracheutrophierung).¹⁶

Данная модель взята нами в качестве базовой при рассмотрении взаимоотношений «человек – окружающая среда»; в силу того что многие типы в данной классификации взаимозависимы и взаимосвязаны, они в настоящем исследовании были объединены в более крупные блоки (например, вуалирование фактов, приукрашивание действительности, неверная интерпретация значения и др.).

Для анализа перечисленных маркеров неэкологичного общения привлекаются экстралингвистические обстоятельства и факторы: глобализация, социальное неравенство, движение человека к механистической картине мира и т.д.

В качестве примера *вуалирования фактов* можно привести слова и выражения из индустрии упаковочных материалов. Согласно статистическим данным, Германия является лидером в данной сфере и крупнейшим производителем пластмассы. Ср.: «...Als **größter Chemie- und Kunststoffproduzent Europas** ist Deutschland **die Heimat der führenden Verpackungsindustrie Europas**...» (URL: Größe des Verpackungsmarktes in Deutschland). Высокие показатели производительности сопровождаются идеей, что старые товары являются ценным сырьём. Ср.: «...Denn Altprodukte und Müll sind **wichtige Rohstoffe**» (URL: Altprodukte als Rohstoff). Такая безупречная и на первый взгляд кажущаяся прозрачной отчётность, наполненная позитивными формулировками («führende Verpackungsindustrie»;

¹⁶ Trampe W. Ökologische Linguistik: Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. S. 208-219.

«wichtige Rohstoffe»; «recycelt»), вуалирует факт расточительности бизнеса и использования ресурсов природы, а официальная документация порой не отражает реального положения дел: 1) переработка в Германии означает экспорт отходов в другую страну; 2) чёрный пластик не поддаётся переработке, поскольку инфракрасный свет, используемый в процессе переработки, не способен распознать данный материал; 3) существует множество упаковок, созданных из смешанных материалов, которые также не могут быть переработаны, и т.д. (URL: *Wie Deutschland beim Recycling schummelt*).

Исследования на тему переработки отходов в Германии демонстрируют несоответствие между риторикой властей и реальным положением дел в стране по данному вопросу. В Германии создано множество немецких документальных фильмов и статей с подобными названиями: *«Wie Deutschland beim Recycling schummelt»*; *«Recycling-Mythen und illegale Plastik-Exporte, was ist dran?»*; *«Altpapier-Recycling: Neue Verpackungen werden zum Problem»* и мн. др.

Перечисленные слова и выражения, с первого взгляда кажущиеся нейтральными или позитивными по своему значению, *вуалируют и приукрашивают действительность* и таким образом приводят получателя этой информации к *неверной интерпретации значения*. Подобный вывод вызывает закономерный вопрос: является ли данный вариант коммуникации экологичным для человека, его восприятия мира и природы в целом.

В качестве примера языкового нивелирования, характеризующегося редукцией, нереализацией первоначальных задач, выступает феномен «многообразия» (*«Diversity»*), который был представлен в документальном фильме *«Diversity nur fürs Schaufenster?»* («Политика многообразия – только напоказ?»).

В какой-то степени разоблачающие NDR результаты исследования, которым предшествовали многочисленные интервью с работниками офиса и наблюдения за реальным процессом работы компании, показали отсутствие

женщин-мусульманок в коллективе: *«Hast du eine Frau mit dem Kopftuch gesehen – Nicht, dass ich mich erinnern könnte»*; *«Nein, ich kann mich nicht an eine Frau mit Kopftuch erinnern»* (Diversity nur fürs Schaufenster? Wie wichtig ist sie ARD & Funk wirklich?).

Проверка списков и фотографий компании не выявила ни темнокожих сотрудников, ни людей с ограниченными возможностями, ни мусульман, а также продемонстрировала гендерный дисбаланс в руководстве NDR, состоящем из семи мужчин и трех женщин (Там же).

Приукрашивание действительности, вуалирование фактов, неверная интерпретация значения формируют коммуникацию, порой выступающую в роли «войны формулировок» (Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии. С.83).

Подобная коммуникация вводит адресанта в заблуждение, поскольку воспринимаемые им вербальные знаки претерпевают метафорическое и эвфемистическое преломление в социальной реальности и формируют устойчивые негативные установки.

Маркер неэкологичного общения – *механизация* – реализуется через проецирование характеристик технических приборов на человеческую личность.

Проанализированная словесная составляющая немецкоязычных документальных фильмов на тему *«Selbstoptimierung»* («Самооптимизация»), повествующих о стремлении человека к модификации своего тела и отношении к нему как к машине, демонстрирует примеры механизации в немецкоязычной речи. Протагонист документального фильма, демонстрируя металлические имплантаты, встроенные в его тело, позиционирует себя как киборга (слияние человека и машины) и трансгуманиста. По его мнению, целью человеческого существования должен являться прогресс – создание эффективной версии себя, сверхчеловека, обладающего определённым набором функций. Такой запрос логичен, поскольку на данном этапе человек оказывается в стагнации в плане физического и ментального развития. Новым

витком были бы клонирование и цифровизация человеческого сознания и ума, а также возможность их перемещения в другие тела: *«Ich bin der Cyborg, weil ich ein effizienterer Mensch sein will, nicht ein besserer ... Wenn wir jetzt nicht beginnen, uns zu entwickeln, den Übermenschen zu schaffen, dann ist es für uns sinnlos. Ich trage Implantate, die Funktionen haben, ich bin die Mischung zwischen Mensch und Maschine. ...Ich glaube, Science-Fiction hat uns den Mut gegeben, Wünsche zu äußern, dass ein Geist und ein Bewusstsein digitalisiert werden, ist tatsächlich irgendwann möglich. Dass ein Geist an zwei Stellen digital existieren kann, als Kopie, als Klon. Dass man Geist in einen anderen Körper swappen kann, das ist Body-, Wirtswappen, das wird auch passieren. Der Mensch ist an einem Punkt angelangt, wo er stagniert»* (URL: Selbstoptimierung – der Wunsch nach einem besseren Ich).

Перечисленные маркеры неэкологичного общения усиливают отрицательную антропогенную нагрузку на окружающую среду и самого носителя языка, создают неэкологичную, деструктивную коммуникацию, нарушают контакт между человеком и природой, а также отрицательно воздействуют на креативность, стабильность и разнообразие языковой системы.

В главе 3 «Экстернальные маркеры неэкологичного общения» анализируются экстернальные маркеры неэкологичного общения в виде излишних англицизмов в немецком языке (Denglisch) и этносоциолекта Kanakisch-Deutsch, приводящие к обеднению и эвтрофикации (засорению) языка (**пункты 3.1 и 3.2 диссертации**). Данные «гибриды» интерпретируются нами как маркеры неэкологичного общения, возникшие в речи по разным экстралингвистическим причинам.

Обеднение языка характеризуется исчезновением стенойкных (способных жить только в определённых условиях) языковых выражений в угоду убиквитарным (распространённым повсеместно) модным словам и выражениям, что является индикатором подрыва креативности языковой экосистемы.

Эвтрофикация, происходящая в языковой системе, характеризуется перенасыщением языковой практики большим количеством модных неологизмов, которые вытесняют изначально существующие в языке слова и выражения. Данный термин заимствован лингвоэкологами из экологии и первоначально означает цветение воды, которое приводит к появлению бактерий, выделяющих токсины, что вызывает гибель живых существ в водоёме¹⁷.

Чрезмерное использование англицизмов в речи и, как следствие, возникновение *Denglisch* способно привести к «лени языка», которая может содействовать утрачиванию языком внутренних механизмов перевода. Калькирование английских слов и высказываний, псевдоанглицизмы формируют дополнительные препятствия на пути к пониманию собеседника.

Показательным примером является один из выпусков немецкоязычной программы «*Deep und deutlich*», гостем которой стала писательница Р. фон Рёнке. В данном выпуске гость делится своими жизненными историями, связанными с рядом различных проблем: депрессия, взлёты и падения в карьере и др.: «*Ihr seid die **Hosts***»; «*Diese depressiven Phasen kommen mit **vengeance***»; «*Ich bin so sad, ich schreibe meine traurigen Gedanken auf*»; «*Jetzt bin ich **married***»; «*Ich sage es einfach – **it's not my thing***»; «*Honestly so – Wenn es **worked for you, then it's fucking valid***»; «*More Power to you, das ist großartig*»; «*Glück ist nie das Ziel beim **mental Health***»; «*Okay, ich bin einfach ein Mensch, **I need my little Things***» (URL: Warum Ronja von Rönne trotz schöner Kindheit heute an Depressionen leidet | deep und deutlich).

Речь гостя включает в себя множество англоязычных заимствований в виде не только отдельных слов, но также и словосочетаний и самостоятельных фраз, которые делают коммуникацию непрозрачной. Для понимания подобных высказываний необходимо фактическое знание английского языка, а также реалий англоязычной культуры.

¹⁷ Вронский В.А. Экология: словарь-справочник. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 572 с.

Помимо *Denglisch*, в немецком языке возникает социолект *Kanakisch-Deutsch*, характеризующийся интеграцией турецкой лексики в немецкую языковую систему. Этот процесс, как и в случае с *Denglisch*, происходит на фоне усилившейся международной интеграции и глобализации.

«Канакский язык» зарождается во вновь возникающем «лингвосоциуме, в котором достаточно большое число людей слабо владеют языком принимающего общества»¹⁸. Таким образом, наряду с формированием мультикультурного немецкого общества и рассмотрением языка с точки зрения новых перспектив возникают тревожные лингвоэкологические тенденции в контексте взаимодействия между мажоритарным языком (немецким) и языками новых этнических групп (арабским, турецким и т.д.). Беспокойство специалистов, связанное с сохранением чистоты и здоровья языковой практики, оправданно в силу констатации факта мутации и реконструкции немецкого языка. *Kanakisch-Deutsch* является разговорным, неидиоматическим языком, характеризуется упрощённой грамматикой и пунктуацией, а также скудным лексическим потенциалом.

В качестве примера подобного гибрида может выступить разговор двух приятелей о школе: *«Hier, Alder, isch geh Schule wie isch Bock hab, weisstu! Hab isch gekriegt aktunvierssisch blauem Briefem, abern scheiss mir egal, isch schwör... Bleib isch immern Sitzen, aber muss isch net arbeiten, weisst wie isch mein?»*¹⁹.

Использование в языке / речи маркеров неэкологичного общения в виде *Denglisch* и *Kanakisch-Deutsch* является проблематичным, поскольку они способны привести к замене и вытеснению равноценных немецких слов, усугублению проблем вербальной агрессии и деструктивных коммуникативных стратегий.

¹⁸ Бухаров В.М. Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 94-101.

¹⁹ Freidank M. *Kanakisch-Deutsch. Dem krassesten Sprachbuchubernhaupt*. Eichborn AG, Frankfurt am Main, 2001. 63 S.

В **заключении** формулируются основные выводы, соответствующие содержанию работы и поставленным задачам, подводятся итоги исследования, обозначаются перспективы для дальнейшего изучения выбранного направления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из результатов исследования, можно констатировать следующее: языковые личности неизбежно находятся «во власти» неэкологичного дискурса. Одним из основных параметров для «измерения» степени неэкологичности общения становится наличие в нём языковых маркеров, реализующихся на фоне лингвотоксичных процессов коммуникации, которые подразделяются на интернальные (вырабатываемые внутренними ресурсами языка) и экстернальные (возникшие под влиянием других этнолингвокультур). Подобные процессы подрывают «здоровье» языка, речи, а также самочувствие отдельной языковой личности и социума в целом.

Перспективным представляется дальнейшее исследование заявленной проблематики, в том числе перемещение фокуса в другие дискурсивные практики, а также рассмотрение маркеров неэкологичного общения в контексте диалога культур с целью выявления зон совпадения и расхождения в оформлении нездоровых коммуникативных актов языковыми личностями разных этнолингвокультур.

Интересной для новых исследований в данной области будет перспектива, на которую было указано в начале работы. Речь идет о выявлении и систематизации случаев, когда коммуникативная ситуация «оправдывает» использование токсинов и не определяет такие высказывания как неэкологичные.

Целый ряд таких примеров мы наблюдаем у Ф. Винклера, который описывает субкультуру немецких футбольных фанатов:

Хайко – представитель футбольной «хулиганской» субкультуры, использует в разговоре о своем своём друге и «коллеге по цеху» Томеке, выражение «*slawische Fresse*», которое в «обычной» коммуникации имело бы явный отрицательный, даже дискриминирующий характер. Однако внутри данной субкультуры эти негативные проекции нивелируются. Ср.: «...*Tomek, der links von Kai sitzt, scrollt mit unbeteiligtem Gesichtsausdruck über sein Handy. Das ist so ein Ostblocking. Diese immer gleiche slawische Fresse. Gut oder scheiße gelaunt. Kann man nicht erkennen...*»²⁰. Таким образом первоначально грубое, обценное слово «Fresse» приобретает функцию «дружеского подтрунивания», происходит «ассенизации или очищения слова» (в терминологии В.И. Жельвиса), что освобождает его от запрета на использование в определенных социальных группах.

Делая вывод о масштабности засорения немецкого языка, нарушения его «здоровья», целостности, идентичности, креативности, отметим, что сущность жизни немыслима без желания роста и гармоничного развития. Процесс познания лингвоэкологических проблем не может быть сведён только к изучению негативных процессов, происходящих в языке и речи, поэтому перспективным видится также поиск коммуникативных стратегий и тактик, направленных на устранение существующих «болезней» языка и способных повлиять на качество коммуникации.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности:

²⁰ Winkler P. Hool. Berlin: Aufbau Verlag GmbH & Co. KG, 2016. S. 9.

1. Тришина М.Н. О калейдоскопичности концепта «противостояние» в дискурсивных и культурных практиках (на материале немецкого языка) // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 4(56). С. 163–174. EDN: NMDZJL. Импакт-фактор 0,297 (РИНЦ); 0,75 печ. л.
2. Тришина М.Н. Лингвотоксичные процессы в современном немецком языке // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 4(60). С. 132–141. EDN: LMPZIE. Импакт-фактор 0,297 (РИНЦ); 0,6 печ. л.
3. Тришина М.Н. Феномен «двойное послание» (double bind) как нарушение экологического баланса в коммуникации (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. Вып. 2(62). С. 144–158. EDN: THRATS. Импакт-фактор 0,311 (РИНЦ); 0,9 печ. л.
4. Тришина М.Н. Маркеры неэкологичного общения в немецкой этнолингвокультуре // Казанская наука. 2025. №4. С. 538–542. EDN: IDSVVE. Импакт-фактор 0,084 (РИНЦ); 0,31 печ. л.

Публикации в других изданиях:

5. Тришина М.Н. Дискурс неравенства в аспекте эколингвистики (на примере немецкоязычных текстов песен направления «рэп») // Сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора А.Л. Зеленецкого. Калуга: Эйдос, 2021. С. 250–256. – 0,43 печ. л.
6. Тришина М.Н. Дискриминирующий язык в спорте: лингвоэкологические и лингводидактические проекции // Сборник по материалам VII Международной очно-заочной научно-практической конференции «Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и

- филологии». Горловка: Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2022. С. 279–281.
– 0,18 печ. л.
7. Тришина М.Н. Метафорические проекции немецкого миграционного дискурса (на примере концепта «Flüchtling») // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы V международной научной конференции (Минск, 21–23.10.22) / редкол.: Л.Н. Неборская (отв. ред.) [и др.]. Минск: МГЛУ, 2022. С. 133–135.
– 0,18 печ. л.
8. Тришина М.Н. Гендерный дискурс в современном немецком языке // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 5. С. 116–121. – 0,37 п. л.
9. Тришина М.Н. Лингвоэкология: основные направления научных исследований в России и за рубежом // Материалы V всероссийской научно-практической конференции с международным участием (15 декабря 2022 года) / отв. ред. А.Н. Морозова. Самара: СГСПУ, 2023. С. 89–96. – 0,5 печ. л.
10. Тришина М.Н. Параметры неэкологичной языковой практики (на материале немецкого языка) // Гуманитарный научный вестник. 2023. №12. С. 124–129. – 0,37 печ. л.